

УДК910.4(495):929

ЕВГЕНИЙ ДЕ ВИЛЬНЁВ: НОВЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ И ЕГО «ГРЕЧЕСКИЙ ДНЕВНИК, 1825–1826 ГОДЫ»

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Беднарчик Г. И.

*Колледж Черниховски
г. Нетания, Израиль
E-mail: gadbed@yahoo.fr*

О дороссийском периоде жизни Евгения Францевича (Эжена) де Вильнёва (1803 – 1870-е) – неперменного члена Феодосийского центрального карантина, заведующего Феодосийским музеем древностей, одного из первых археологов, исследовавших античные и средневековые памятники Крыма, автора книги «Исторический и художественный альбом Тавриды» – ещё недавно мы почти ничего не знали. Открытием для нас стали фрагмент, посвящённый де Вильнёву, в сочинении француженки Адели Оммер де Гелль и ранее не фигурировавшие в отечественной литературе книга Эжена де Вильнёва «Греческий дневник: 1825–1826 годы», опубликованная в Брюсселе в 1827 г., а также заметка в «Journal des débats politique set littéraires» за 1827 г. Перевод Г. И. Беднарчиком этих текстов с французского языка на русский (который мы здесь и представляем) позволил не только узнать подробности жизненных перипетий де Вильнёва до его появления в России (как выяснилось, он был одним из героев освободительной борьбы греков против турецкой зависимости), но, что важно, получить дополнительные свидетельства о событиях в Европе 1820-х гг., причём из рук активного участника этих событий.

Ключевые слова: французы в России (XIX век), Евгений Францевич (Эжен) де Вильнёв, Греческая война за независимость 1820-х годов, Таганрог, Феодосия.

*Над Грецией прошли врагов знамёна,
Огонь и сталь её терзали лоно...*

Но жив твой вечный дух среди пепла и камней...

О Греция! Восстань же на борьбу!

Дж. Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда. 1812–1818 гг.

«Нам посчастливилось повстречать в Таганроге француза, жизнь которого могла бы послужить сюжетом для очередного произведения Александра Дюма, так как сама природа будто нарочно постаралась сделать из него героя литературного романа. Своей красотой схожий с Антиносом, наделённый природой богатым воображением, он обладал неуёмной жадностью следовать за самыми фантастическими

и героическими поворотами своей жизни» (пер. с франц. Г. И. Беднарчика) [15, р. 54–55. См. также пер. с франц. А. В. Миргородского: 5].

Так французская путешественница Адель Омер де Гелль¹ в книге «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России», опубликованной в Париже в 1860 г., охарактеризовала Эжена (Евгения Францевича) де Вильнёва (1803 – 1870-е) – личность необыкновенную, человека удивительной и непростой судьбы, чьё имя прочно вошло в историю культуры Крыма XIX столетия.

Француз на российской службе², Евгений Францевич де Вильнёв известен нам как неперемный член правления Феодосийского центрального карантина (1848 – 1867/8 гг.), как корреспондент (1848 г.), а затем и действительный член (1851 г.) Одесского общества истории и древностей, как один из лучших заведующих Феодосийским музеем древностей (1849–1865 гг.) и один из первых археологов, исследовавших античные и средневековые памятники Крыма³, наконец, как автор книги «Исторический и художественный альбом Тавриды» [19], созданной совместно с феодосийским художником Викентием Осиповичем Руссеном и выходящей в Париже с 1853 г. в течение нескольких лет [9–13; 14, с. 147 слл.; 19]. В 2015 г. этот альбом, ставший библиографической редкостью, был издан Э. Б. Петровой на русском языке (в переводе с франц. А. В. Карпенко), с комментариями к текстам де Вильнёва и литографиям Руссена, а также с их биографиями [12].

Но о жизни Евгения Францевича до его появления в Крыму долгое время мы знали очень мало – в основном то немногое, что можно было почерпнуть из его же «Исторического и художественного альбома Тавриды» и из архивных документов, в частности тех, что хранятся в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) [См. отсылки на архивные материалы: 12, с. 9–11, 219 слл.; 14, с. 147–149].

Образование де Вильнёв получил во Франции. Являлся членом Парижского исторического института. В 1837 г. в возрасте 34 лет покинул родину и навсегда переехал в Россию. Он занял в Таганроге невысокий пост учителя французского языка в местной мужской гимназии⁴, одновременно в 1840–1842 гг. преподавал французский в местном уездном училище. В 1842 г. в Новороссийском войсковом правлении принял присягу на подданство России. В следующем году получил чин коллежского секретаря. 29 апреля 1844 г.⁵ ушёл в отставку и 12 июня этого же года произведён в титулярные советники «за выслугу лет». Вскоре его причислили к медицинскому департаменту Министерства внутренних дел и 9 августа 1845 г.

¹ Адель – жена учёного-геолога Ксавье Омер де Гелль – много путешествовала вместе с супругом, в том числе по южной России и Крыму (1838–1840 гг.). В 1839 г. они посетили город Таганрог, и Адель рассказала об этом в своей книге [15]. О жизни и сочинениях супругов Омер де Гелль см.: [7; 8].

² «Скорее всего, он принадлежал к обедневшей ветви древнего дворянского рода» [14, с. 147, прим. 53].

³ С 1849 г. он проводил разведки и раскопки в окрестностях Старого Крыма и с 1852 г. – в Феодосии, вскрывая курганы античного времени на горе Тепе-Оба.

⁴ В документах ГАРК Е. Ф. де Вильнёв значится на российской службе с 10 марта 1839 г. (по ст. ст.).

⁵ Все даты приводятся по старому стилю.

командировали в Одесский карантин. 5 июля 1848 г. переместили в Феодосийский центральный карантин. Вот, собственно, и все основные факты биографии Евгения Францевича, которыми мы располагали.

Между тем сравнительно недавно в Интернете появился фрагмент (в переводе с франц. А. В. Миргородского) из упомянутой нами книги Адели Омер де Гелль с рассказом о пребывании супругов Омер де Гелль в Таганроге, об иностранцах, с которыми они там встречались, среди них – француз «господин *de V.*» [15, р. 54–57; 6]. Этот рассказ привлёк внимание Е. А. Шапочки, сотрудницы таганрогской Центральной городской библиотеки, и она безошибочно определила, что «господин *de V.*» и есть Эжен (Евгений Францевич) де Вильнёв [5].

Прочитав красочный фрагмент из сочинения Адели Омер де Гелль, посвящённый Эжену де Вильнёву (пер. с франц. Г. И. Беднарчика):

«Ещё в возрасте восемнадцати лет, проникнувшись огромной симпатией к делу борьбы греков за независимость, охватившей всю Европу, он поспешил сыграть свою роль в этой романтической революции и принял участие во всех перипетиях и опасностях борьбы между эллинами и турками¹.

Сражаясь на этой войне в качестве то партизана, то моряка, то дипломата, он в разной степени общался с блестящими личностями, настоящими метеорами, освещавшими своими подвигами борьбу за независимость греческого народа. И, в качестве высшего предела счастья, случай, ниспосланный провидением, позволил нашему герою спасти жизнь красавице смирнотке², сердце которой он, естественно, покорил и на которой при первой же передышке женился.

Сразу же после свадьбы молодая пара отправилась в путешествие, посещая все монаршие дворы Европы, где молодую гречанку, благодаря прекрасному костюму смирнотки и точёной фигурке, принимали с большим энтузиазмом. В Москве она настолько понравилась находившейся там в то время императрице, что вокруг стали поговаривать о том, что скоро гречанка станет фрейлиной Её Величества³. С другой стороны, во всех московских салонах только и говорили, что о красавице французе, вскружившем голову всем московским дамам, в результате чего с ним случилось приключение, которое подобно взрыву бомбы оставляет после себя одни лишь руины. Как он выбрался из всего этого живым и здоровым, наш герой и сам не мог объяснить, настолько опасность была велика.

Семейная пара укрылась в Париже, где супруг постарался обрести прочное положение, в котором они оба так нуждались после всех годов, растроченных в путешествиях. Однако счастливая звезда изменила господину де В. (*de V.*), и в один прекрасный день наш герой счёл за счастье согласиться на должность учителя французского языка в Таганроге, которое ему предложили городские власти при

¹ Эжен де Вильнёв прибыл в Грецию в возрасте 22-х лет и пробыл там менее двух лет. Адель писала книгу много позже того времени, когда побывала в Таганроге, и могла что-то забыть. О греческой эпопее де Вильнёва и событиях его жизни до переезда в Россию она могла знать по рассказам самого Эжена и его супруги.

² Смирна – греческий город на западном побережье Малой Азии (ныне турецкий город Измир).

³ Александра Фёдоровна, супруга российского императора Николая I.

посредничестве одного из его друзей. Даже если вы обрядите корсара Манфреда¹ в мантию прокурора, это покажется менее странным, чем преобразование космополита в педагога! Судьба богата на чудные капризы, когда она ссылает к берегам Азовского моря два существа, воплощающие своей красотой самые очаровательные образы поэзии и драмы.

Госпожа де В. (*de V.*), благодаря своим тёмно-синим глазам, чёрным как смоль волосам и смуглой коже, соединяла в себе весь левантйский шарм и напоминала мне Зулейку или ещё какую-нибудь героиню Байрона. Что касается её мужа, то он больше похож на «Гяура» Ари Шеффера².

Когда мы познакомились с ними, эта пара уже два года, как проживала в Таганроге. Господину де В. (*de V.*) и его жене было около сорока лет, хотя оба выглядели лет на тридцать, не больше³» [15, р. 55–57].

Подтверждением того, что в этом фрагменте Адель Омер де Гелль рассказала о Евгении де Вильнёве и его жене, стали для нас два источника, совсем недавно обнаруженные Г. И. Беднарчиком.

Во-первых, это книга Эжена де Вильнёва «Греческий дневник: 1825–1826 годы», вышедшая из печати в Бельгии в 1827 г. [18]. В ней Евгений Францевич поведал о бурных событиях своей молодости, представ пред нами искателем приключений, борцом за свободу греческого народа и писателем-мемуаристом.

Во-вторых, заметка в парижской «Газете политических и литературных дебатов» за 31 октября 1827 г., в которой сообщалось (пер. с франц. Г. И. Беднарчика): «Господин Эжен де Вильнёв, французский филэллин, сражавшийся в Греции за идеалы христианства и гуманизма, а также его супруга Анжела Кацаити, молодая гречанка из благородной семьи, несколько дней назад имели честь быть представленными королю и наследному принцу Баварии, которые приняли их с большой благосклонностью⁴. Выйдя из королевского замка, молодая гречанка была растрогана до слёз. Она унесёт с собой на родину, куда намерена вернуться вместе с мужем, самое неизгладимое впечатление от встречи с монархом, являющимся кумиром и другом своего народа. О благодеяниях этого великого человека она расскажет своим соотечественникам на развалинах Спарты и Афин» [16].

Теперь у нас нет сомнения в том, что «господин *de V.*» – Эжен де Вильнёв, а «госпожа *de V.*» – Анжела Кацаити, его жена. Заодно мы немало узнали, как складывалась судьба Евгения Францевича до его переезда в Россию, когда годы войны и испытаний сменились мирной жизнью.

¹ Манфред – имя героя поэмы Джорджа Гордона Байрона «Манфред» (1817 г.).

² «Гяур» – картина французского художника Ари Шеффера. Образ Гяура навеян героем поэмы Джорджа Байрона «Гяур» (1813 г.).

³ В 1839 г., когда супруги Омер де Гелль находились в Таганроге, Евгению де Вильнёву было 36 лет.

⁴ Супруги Вильнёв были представлены Людовику I, королю Баварии (1825–1848 гг.), и его наследнику – старшему сыну Максимилиану (с 1848 г. – Максимилиан II).

Эжен был одним из тех добровольцев, которые приняли бой греков, почти четыре столетия пребывавших под гнётом Османской империи, как свою собственную, и пришли им на помощь, оставив все свои дела и рискуя собственной жизнью. Вооружённая борьба греческого народа за независимость длилась почти десять лет (1821–1829 гг.) и завершилась победой греков¹. Немаловажную роль в событиях этой войны играли Россия, Великобритания, Франция и добровольцы из этих и других государств.

Что же рассказал о своей греческой эпопее Эжен де Вильнёв?

Он приехал в Грецию в самом начале 1825 г. Пребывание в этой стране и участие в военных действиях – судьбоносный эпизод в его жизни. Там юношеский романтизм сменился уверенностью в правоте своего выбора – стать на защиту униженного и лишённого свободы народа, посвятить себя борьбе за справедливость. Твёрже становился его характер, формировались представления об окружающем мире и людях.

Он не сомневался в том, что зависимость Греции от Турции – «самая ужасная в мире деспотия», и готов был «даже в одиночку сразиться со всей турецкой армией». В дневнике Эжен пишет: «<...> я покинул свою семью и присоединился к греческим фалангам борцов за независимость, чтобы иметь счастье разделить с ними их участь и тяготы борьбы».

Его настолько волновала судьба угнетённого народа, что он не только завоёвывал свободу Греции с оружием в руках, но отправился в Россию с тем, чтобы убедить императора Николая I спасти братьев-греков от турецкого ига.

Помимо того, Греция манила молодого человека своей богатейшей историей и культурой. Очевидно, что ещё раньше, на родине, он увлекался историей, в особенности древней; возможно, античная история составляла часть его образования. Неслучайно он стал членом Парижского исторического института (к сожалению, мы не знаем, с какого времени). В Грецию Эжен прибыл со знанием греко-римской мифологии, поэм Гомера, сочинений Плутарха и других античных авторов. Несмотря на обстановку военного времени, в разных местах, когда удавалось, осматривал древние памятники и явно с удовольствием, а порой и с душевным трепетом, описал в своём дневнике те, что видел. Чего стоит его восклицание: «О Греция! О Афины! Какое глубокое почтение я испытываю к вам!.. Мои дрожащие от волнения ноги едва осмеливаются ступить по этой священной земле... Они опасаются осквернить могилу героя или потревожить отдых какого-нибудь божества».

Посещение тех мест, где могли быть остатки гомеровской Трои (раскопкам Г. Шлимана на холме Гиссарлык, под которым, возможно, были скрыты её руины, предстояло начаться много времени спустя), стало поводом для глубоких раздумий: «Но разве цари, следуя своим низменным страстям, хоть когда-либо задумываются о чём-нибудь?». Воображение переносит Эжена во времена Троянской войны. Он

¹ По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Греция получила автономию, а в 1832 г. был подписан Константинопольский договор – и Греция стала независимым государством.

видит Гектора, «предающего огню греческие корабли», «пылкого» Ахилла и «ринувшегося в самую гущу троянцев» Патрокла. И далее: «<...> я следую за Ахиллом в его палатку; вижу лицо этого воина, залитое слезами, смотрящее на труп Патрокла. Вижу несчастного царя Трои, на коленях умоляющего молодого героя выдать ему останки Гектора». Всё описано так зримо, как будто сам де Вильнёв, уже испытавший ужасы военного времени, насмерть стоял рядом с легендарными гомеровскими героями.

Пребывание в Греции углубило его познания, усилило интерес к античной истории, который потом, много времени спустя вылился в нечто большее: Евгений Францевич возглавил Музей древностей в Феодосии и занялся археологическими изысканиями, в первую очередь, на античных памятниках¹.

Не менее важно и то, что в Греции у Эжена де Вильнёва появился интерес к России, ведь её участие в судьбе греческого народа было особенно велико: «<...> дети Спарты и Афин не будут истреблены; сердце Николая² открыто для чести и справедливости», Грецию спасёт героическая русская армия.

Наконец, пребывание в Греции решило судьбу нашего героя: там Эжен нашёл любовь всей своей жизни. Красавица гречанка Анжела Кацаити стала его женой, разделив с мужем все неожиданные перемены в его жизни.

С семьёй Анжелы он познакомился в июне 1825 г. Эжен тяжело болел, и Кацаити по доброте душевной взялись ухаживать за ним. В феврале 1826 г. ему посчастливилось вновь случайно встретиться с этой семьёй и помочь ей в беде. И уже 22 марта этого же года он обвенчался с младшей из сестёр Кацаити – Анжелой.

Здесь нельзя не упомянуть об одном противоречии, обратившем на себя наше внимание. Из рассказа Адели Омер де Гелль следует, что супруги де Вильнёв были примерно одного возраста, что вполне естественно, ведь Эжен женился довольно рано – в 23 года. В документах ГАРК неоднократно упоминается жена члена правления Феодосийского карантинного Евгения Францевича де Вильнёва – Ангелина Анастасьева или Ангелия Анастасьевна, православного вероисповедания³, указывается, что брак был бездетным. При этом в ряде списков карантинных чиновников отмечается, что жена Евгения Францевича почти на двадцать лет его моложе [см. например: 1, л. 6; 2, л. 4 об.; 3, л. 6 об.; 4, л. 2 об.]. Это, конечно, случайная ошибка – таковые в документах с подобными сведениями встречаются (ошибка автоматически переносилась из списка в список, которые периодически составлялись и мало отличались друг от друга). Анжела и Ангелина-Ангелия –

¹ Он прибыл в Феодосию из Одессы (где прожил три года) в июле 1848 г. Незадолго до этого Феодосийский музей древностей лишился заведующего и находился в бедственном положении. Одесское общество истории и древностей решило взять музей под свою опеку и предложило именно де Вильнёву занять эту должность, так как ещё во время пребывания в Одессе он зарекомендовал себя как знаток истории, наверняка был знаком с одесскими членами Общества, возможно, выполнял какие-то поручения Общества, связанные с охраной памятников старины. И уже в августе 1849 г. Таврический гражданский губернатор извещал правление Феодосийского карантинного о согласии Евгения Францевича заведовать музеем. [См.: 12, с. 11–13.]

² Императора Николая I.

³ Е. Ф. де Вильнёв – римско-католического.

идентичные имена, произошедшие от греческого «ангелос», «ангел». Анастасьева, Анастасьевна – отчество, которое получила жена де Вильнёва в России (Анастас – имя греческое, так звали её отца)¹. И Эжена стали именовать, как у нас принято, по имени-отчеству: Евгений Францевич.

«Греческий дневник: 1825–1826 годы» опубликован в 1827 г., то есть вскоре после описанных в нём событий. Очевидно то, что во время пребывания в Греции Эжен де Вильнёв вёл записи, а на обработку текста у него было немного времени. Его книга – не воспоминания о былых событиях, когда кое-что, а иногда и многое уже забыто, а это рассказ, написанный по свежим следам. Отсюда его ценность как исторического источника. Из него мы узнаём не только о жизненных перипетиях автора, но, что важно, получаем дополнительные свидетельства о событиях в Европе исторической значимости, причём из рук активного участника этих событий. Такие свидетельства, как правило, бывают в большей или меньшей мере субъективными. Но ценность их именно в том, что мы получаем восприятие событий через переживания их свидетелей, да и описания такие обычно конкретны, без пренебрежения к мелочам, деталям. А это конкретизирует и, если так можно сказать, очеловечивает наши представления о прошедшем.

«Греческий дневник» – сочинение довольно объёмное, если учесть, что хронологически оно охватывает сравнительно короткий период – два года из жизни его автора и из истории длительной борьбы греческого народа за независимость.

Де Вильнёв подробно описывает своё участие, как добровольца, в освободительной войне греков. В Грецию он прибыл на корабле с командой из 26 греков и сразу погрузился в гущу событий. Знакомство и общение со многими активными деятелями событий военного времени дали возможность быстро войти в курс дел, сориентироваться в обстановке и начать действовать.

Эжена зачислили в греческую армию в звании капитана кавалерии (похоже на то, что к тому времени он уже имел некоторый опыт в военных делах). В книге есть портрет де Вильнёва в греческой военной форме (рисунок неизвестного художника).

Описания военных действий представлены в дневнике со многими подробностями, с указанием на время и место событий, численность военных отрядов. Так рассказать о военных операциях мог только их участник, причём не дилетант в военном деле. Эпизоды, связанные с личным участием де Вильнёва в боевых действиях, яркие, красочные, с налётом романтизма, свидетельствую о том, что он – безусловно, герой! «Насколько счастлив тот, кто выполнил свой долг!» – восклицает Эжен.

Книга пестрит географическими названиями, личными именами. Эжен де Вильнёв быстро сходил с людьми. Среди его знакомых, в том числе ставших друзьями, немало известных в истории личностей. Он даёт чёткие, ёмкие характеристики своим соратникам по борьбе, высоко оценивает душевные качества

¹ В документах Феодосийского карантина она, как и другие жёны членов карантина, названа по имени и отчеству, без фамилии. Её фамилия по мужу – де Вильнёв – подразумевалась.

разных людей – и не только тех, с кем бок о бок воевал, но и простых жителей Греции, мужчин и женщин. Это целая галерея портретов – в основном, конечно, греков, но и других европейцев тоже¹.

Вильнёв находился в Греции недолго, какие-то горькие для него и неизвестные нам события заставили его на время уехать с супругой в Россию. Это случилось через несколько месяцев после их женитьбы. Судя по всему, им помогли выехать из Греции его друзья, среди которых были особы высокого ранга².

Пребывание в России навяло воспоминания о наполеоновских временах, о гибели французских солдат вдали от родины. Сердце Эжена переполнено жалостью к своим соотечественникам, которых он считает героями и говорит об их подвигах. Нам, однако, не понять чувства Вильнёва, ведь речь идёт о нашей родине, о России, испытавшей нашествие французских войск. И мы называем героями Отечественной войны 1812 г. русских солдат, но никак не французских.

Книга Эжена завершается «Дополнительными заметками». Они посвящены России, пребыванию супругов де Вильнёв в течение полугода в Москве (с сентября 1826 г.), в них говорится о русских людях, их отношении к событиям освободительной борьбы греков. И нам, конечно, интересен взгляд иностранца на далёкую для Западной Европы Россию – ту самую Россию, которая победила Наполеона и встала на защиту греческого народа.

В Москве Эжена и Анжелу встретили с большой теплотой, на них «обрушился поток приглашений». Супругов де Вильнёв представили княгине Зинаиде Александровне Волконской – хозяйке славившегося тогда литературно-музыкального салона на Тверской. Эжен обращает внимание на то, что «на блестящих приёмах в доме у княгини <...> всегда звучали пожелания свободы для Греции». Всеобщий восторг вызвало греческое происхождение жены Вильнёва. Анжелу, «выросшую под крышей хижины в Аркадии», по рекомендации княгини Волконской принимали в Кремле император Николай I и императрица.

Эжен нашёл новых друзей, почувствовал родство душ с русскими, так же, как и он, болевшими за судьбу Греции. «Я бы мог назвать, – уверяет он, – около

¹ С подчёркнутой теплотой пишет де Вильнёв, например, о принце Карле Прусском (1801–1883), сыне короля Пруссии Фридриха Вильгельма II. Примечательно, что свой «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгений Францевич посвятил Карлу Прусскому – в знак «глубокого уважения и благодарности» (принц принял участие в финансировании альбома). Заодно отметим, что альбом издавался по подписке, и де Вильнёв счёл необходимым снабдить книгу списками подписавшихся на неё. Альбом захотели приобрести многие библиотеки и учебные заведения разных городов России, а также многие известные в России и Западной Европе люди [12, с. 45]. Среди них принц Карл Прусский и правительство короля Пруссии, российский император Николай I и его супруга Александра Фёдоровна, цесаревич – будущий император Александр II; перечисляются имена подписчиков – из Петербурга, Мариуполя, Одессы, Харькова, Феодосии, Ялты и из Таганрога, где, конечно, помнили учителя французского языка де Вильнёва. Среди подписавшихся было немало знакомых Евгения Францевича, уверенных в том, что альбом будет интересным и красивым.

² Кажется, в молодости Эжена преследовали неприятности. И в Москве, куда он прибыл с женой из Греции, по воспоминаниям Адели Омер де Гелль, «с ним случилось приключение» – и весьма серьёзное: «опасность была велика».

пятидесяти самых уважаемых московских фамилий, преданных делу освобождения Греции от турецкого ига». Русские офицеры «надеялись вскоре оказаться в Греции».

О русских де Вильнёв пишет с глубоким уважением. Чего стоит только его рассказ о простом русском казаке, сумевшем оценить стойкость и мужество своего врага – умершего на его руках офицера наполеоновской гвардии. Эжен увидел в этом казаке «человека, достойного всяческого почтения».

(Посещение России сыграло важную роль в судьбе супругов де Вильнёв: через некоторое время они перебрались туда насовсем.)

Из России молодая пара направилась в Европу – в Пруссию, Баварию, Нидерланды, Бельгию. По свидетельству Адели Омер де Гелль, несколько лет они жили в Париже¹. Если это так, значит, Эжену всё-таки удалось ещё раз (в последний?) увидеть родные края. А вернуться в Грецию, о чём мечтали супруги, если у них и получилось (в предисловии к дневнику Эжен пишет, что возвращался туда), то ненадолго.

После многочисленных переездов Эжен и Анжела обосновались в России, которая, надо полагать, более всего им понравилась. Закончился период славных дел, впереди их ожидала жизнь спокойная, наполненная мирным трудом. А Грецию они нашли для себя в городке на далёкой южной окраине России, где жило немало греков² и где, что особенно важно, Эжен мог заняться любимым делом – изучением античных и средневековых памятников Феодосии и её округи.

Проследившая судьбу Евгения Францевича де Вильнёва, нам, естественно, хотелось узнать причину, по которой он вынужден был покинуть родину. Ведь это непросто – навсегда поселиться в чужих краях. Можно, конечно, сказать, что немало французов переселялось в Россию в те времена. Но ведь у каждого была на то своя причина. Что же наш герой?

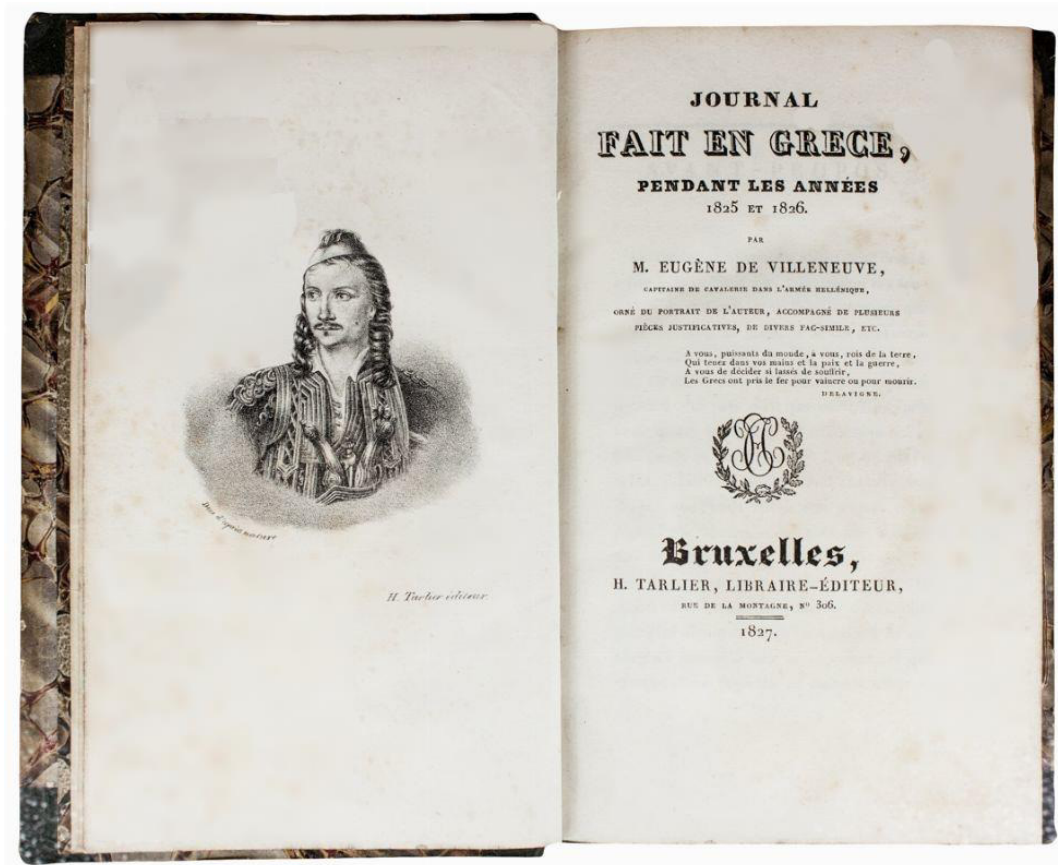
В «Греческом дневнике» он намекает на то, что в его семье произошли какие-то драматические события, однако какие именно – об этом умалчивает. В августе 1825 г., вскоре после приезда в Грецию, на Вильнёва, судя по всему, был составлен донос, против него выдвинуты надуманные обвинения его же соотечественником. «В результате этой подлости теперь я вынужден буду скитаться в поисках гостеприимного приюта», – пишет Эжен. Он говорит о своих страданиях, о том, что больше не увидит близких – матери, сестёр, прощается с Францией.

Возможно, полностью связь с родиной Евгений Францевич всё же не потерял. Ведь неслучайно его альбом с историческими памятниками Тавриды вышел в

¹ На какие средства супруги разъезжали, нам неизвестно.

² И, заметим, французов. Общение с соотечественниками было для де Вильнёва важным. Нслучайно, прибыв в Феодосию, он вскоре подружился с молодым художником – французом Викентием Руссеном, вместе они осматривали древние руины города, выезжали за его пределы для осмотра и зарисовок архитектурных памятников, копирования древних надписей, Викентий Осипович был помощником Евгения Францевича во время его археологических поисков в Феодосии и её округе [12, с. 37–40]. Наконец, они решили совместно подготовить и издать «Исторический и художественный альбом Тавриды» и успешно осуществили задуманное [19].

Париже, да ещё в столь тяжёлое время – в годы Крымской войны. Очевидно, что ездить во Францию, воевавшую тогда с Россией, он не мог. Возможно, с изданием альбома помогли его родственники, жившие во Франции. Но об этом мы можем только догадываться.



Титульный лист книги Эжена де Вильнёва «Греческий дневник, 1825–1826 годы». Слева – портрет автора в греческой военной форме (подпись под портретом: Рисунок выполнен с натуры)

И ещё: покинув пост заведующего Феодосийским музеем в 1865 г., де Вильнёв в течение некоторого времени оставался на службе в Феодосийском карантине. В документе правления карантин за 1866 г. отмечается, что он получил жалованье за 1–5 апреля этого года – «по день его выезда за границу», но не сказано, по какой причине, куда и на какой срок выезжал Евгений Францевич за пределы России. Быть может, на лечение? Ездил во Францию? Вернулся ли? Кто знает!?

Но, скорее всего, до конца жизни он оставался в России. В документе, направленном из Феодосийского карантина в Таврическую казённую палату в марте 1873 г., говорится, что Евгений Францевич находится в отставке и, «сколько известно, проживает в городе Одессе». Умер он, по-видимому, в 1870-х гг., прожив в России более 30 лет, из них два десятилетия – в Феодосии. [12, с. 28.]

«Греческий дневник» Эжена де Вильнёва, насколько нам известно, не переводился ранее на русский язык и не упоминался в отечественной литературе. Мы публикуем отдельные фрагменты из этой книги – те, которые связаны с личным участием её автора в военных действиях, его встречами с разными людьми, историей его знакомства с будущей женой, а также с пребыванием супругов де Вильнёв в России. Надеемся, что эта публикация будет полезна специалистам, занимающимся историей и культурой Крыма XIX столетия, биографическими исследованиями и мемуаристикой, а также привлечёт внимание специалистов по истории освободительной борьбы греческого народа против Османской империи.

Эжен де Вильнёв

Греческий дневник: 1825–1826 годы¹

*Вам, сильным мира сего, вам, королям земли,
которые держат в своих руках мир и войну.
Вам решать, как относиться к тому, что, устав от страданий,
греки вооружились, чтобы победить или умереть.*

Казимир Делявинь²

Предисловие

[I] «Дневник, который я публикую, не был предназначен для обнародования. Он написан под впечатлением момента, и я его завёл только для того, чтобы сохранить память об этих впечатлениях, подобно путешественнику художнику-любителю, который собирает в свой альбом разрозненные зарисовки посещаемых стран. Но, покинув театр военных действий в Греции, а позже, вернувшись в эту страну и услышав из уст людей, которых я очень хорошо знал, неправду о событиях, свидетелем коих я являлся, ваш покорный слуга счёл своим долгом прервать молчание и предложить вашему вниманию аутентичный

¹ Villeneuve Eugène de. Journal fait en Grèce pendant les années 1825 et 1826. Bruxelles: H.Tarlier, Libraire-Éditeur, 1827. 284 p.

На титульном листе за названием книги следует запись: «Дневник, написанный в Греции в 1825–1826 годах господином Эженом де Вильнёвом, капитаном кавалерии эллинской армии, украшенный портретом автора, сопровождаемый несколькими документами, факсимиле и т. д.».

Фрагменты из «Греческого дневника» мы представляем в переводе с франц. Г. И. Беднарчика. Подготовка текста и комментарии – Э. Б. Петровой. Цифры в квадратных скобках – номера страниц в оригинальном издании книги Эжена де Вильнёва.

² Пер. с франц. Г. И. Беднарчика. Казимир Жан Франсуа Делявинь (1793–1843) – французский поэт, драматург.

несистематизированный документальный материал, где каждое событие описано именно в тот момент, когда оно происходило.

[II] Если бы я прислушивался к своему самолюбию больше, чем к моей склонности к справедливости, то я бы использовал эти материалы совсем по-другому. Я бы их расположил в тщательно продуманном порядке; мне, вероятно, захотелось бы изменить или расширить некоторые описания и рассказы с учётом полученных позже дополнительных сведений о прошедших событиях. Одним словом, мой дневник превратился бы в картинную рамку, куда я мог бы вставить всё, что угодно, даже чужое произведение. Именно так я бы и поступил, если бы с самого начала задумал сделать из своего дневника книгу.

Но я хотел показать себя таким, каким я был в то время, описать греков как бы с натуры, рассказать о Греции так, как я её тогда чувствовал. Слово «чувствовать», мне кажется, более всего подходит к рассказу о стране, где прошлое способствует работе воображения, а настоящее говорит само за себя. [III] Возможно, иногда я выражаюсь излишне высокопарно, но зато чистосердечно.

Много найдется тех, кто попытается унижить греков, упрекнуть их во всех возможных грехах, заявить, что они не достойны той свободы, за которую пролито столько крови.

Что касается меня, сражавшегося за свободу Греции и дважды породнившимся с этим народом, имея в виду мою женитьбу на гречанке, навсегда ставшей спутницей моей жизни, то я никогда не позволю очернять нацию, страдания коей заслуживают, по меньшей мере, глубокого сочувствия, даже если свобода и не станет результатом её героических усилий. Протекторат, которым сегодня угрожают Греции, в случае его реализации закрыл бы мне доступ в эту страну. Да и что бы я делал в несвободной Греции, вассале своего смертельного врага, в Греции, обустроенной на турецкий манер?

Но мне верится, что более просвещённая политика европейских кабинетов не даст осуществиться этому проекту, против которого выступают [IV] и жаждущая немедленной мести Турция, и сама Греция, обратившаяся ко всем странам мира. Руководители этих стран должны услышать крик о помощи греческого народа и перестать обращать внимание на робкие советы министров, опасющихся потерять свои посты. На этот крик отчаяния уже благосклонно отозвался король Баварии, этот крик также услышали в Пруссии, вскоре его услышат повсюду, даже несмотря на противодействие со стороны некоторых дипломатов.

Брюссель, август 1827 г.»

26 декабря 1824 г. – 6 мая 1825 г.

Эжен де Вильнёв отбыл в Грецию из французского города Нанси. Прибыл в Анкону (Италия), откуда отправился к Ионическим островам. Вот, что он пишет в

марте 1825 г.: [1] «Я сошёл на берег в Корфу¹. Оттуда направился в Кефалонию, затем в Итаку и, наконец, в Занте²».

[2] «Египетская армия, высадившаяся в Морее, осадила Наваринскую крепость³. Я принял решение сразу же направиться в зону боевых действий, чтобы доказать моим друзьям по борьбе за независимость Греции свою твёрдую решимость отстаивать их идеалы. Для этого я обзавёлся рекомендательными письмами к господину А<лександр> Маврокордатосу и генералу Костасу Боцарису. Со мною были мой слуга из Корфу и 26 греков. <...> В начале мая встречные ветры вынудили нас высадиться в Пиргосе⁴».

Вильнёв встретился с губернатором Пиргоса и услышал от него:

[3] «Греческой армии более не существует, так как 19 апреля египетское войско Ибрагим-паши разгромило у Наварина повстанцев⁵, поэтому молодому чужеземцу следует отправиться в столицу и поступить на службу к греческому правительству».

11 мая 1825 г.

Эжен прибыл в Нафплион – временную столицу Греции⁶. Там его принял Александр Маврокордатос – [11] «умнейший человек, лучший дипломат Греции».

14 мая – 1 июня 1825 г.

Эжен встречается с Георгиосом Кондуриотти и пишет о нём: [17] «Этот совсем простой малообразованный человек с очень большим кошельком принёс огромную пользу греческим патриотам».

Примечательно следующее замечание Эжена: [18] «То, что во Франции рассказывают о Греции, было очень далеко от правды. В греческой армии отсутствует чёткая организация, нет согласия в правительстве, да и чувство патриотизма находится не на самом высоком уровне. Всего лишь один батальон организован на европейский манер».

1–9 июня 1825 г.

Де Вильнёв знакомится со многими греческими военачальниками, среди них – генерал Теодорос Колокотрони: ему [26] «68 лет, он полон энергии и жизненных сил. Его рост 5 футов 6 дюймов, у него худоватое лицо, тяжёлый пристальный

¹Корфу (Керкира) – греческий остров в Ионическом море.

²Кефалония и Итака – греческие острова в Ионическом море. Занте (Закинтос) – город на острове Закинф, что тоже в Ионическом море.

³Морея – это полуостров Пелопоннес (Южная Греция). Наваринская крепость – возле Пилоса, города на юго-западе Пелопоннеса, на побережье бухты Наварин.

⁴Покинув Занте 1 мая 1825 г., Вильнёв оказался в Пиргосе – городе на западе Пелопоннеса, недалеко от острова Закинф.

⁵Речь идёт об осаде и взятии крепостей Пилоса турецко-египетскими войсками и флотом в 1825 г. Мухаммеда Али – паша Египта (в 1805–1848 гг.), вассала турецкого султана Махмуда II, – отправил на помощь Турции армию во главе с Ибрагим-пашой. И тот прибыл на Пелопоннес в феврале 1825 г.

⁶Нафплион – город на северо-востоке Пелопоннеса.

взгляд, огромные чёрные усы и развевающиеся на ветру волосы. Он всегда носит пояс с прикрепленным к нему ножом и двумя пистолетами».

Эжен был представлен этому экстраординарному человеку, который заметил, что хотел бы видеть де Вильнёва [29] «не у городских стен, а в полевом лагере, так как принести пользу Греции можно не вблизи Нафплиона, а в виду у врага». Эжен ответил, что «готов пожертвовать своей жизнью ради свободы его родины». «Браво! Браво!» – воскликнул тот.

9 июня 1825 г.

[36] «Познакомившись с одним греческим генералом, бывшим офицером французской армии, я решился вместе с ним присоединиться к армии Колокотрони. Сделал запрос в военное министерство и получил соответствующее предписание вместе с выражением восхищения перед моими патриотическими чувствами.

[37] Мысль о том, что я направляюсь сражаться с самой ужасной в мире деспотией, разгорячила моё воображение и придало мне столько смелости, что я не ощущал никакого страха даже в одиночку сразиться со всей турецкой армией. Ах! Лишь бы я оказался полезным Греции!..».

11–20 июня 1825 г.

Находясь в те дни в Триполице¹, Эжен тяжело заболел болотной лихорадкой.

20 июня 1825 г.

[38] «Я оправился после ужасной болезни. Меня бы уже не было на свете, если бы не одна приютившая меня греческая семья из Каламаты: отец, мать и двое дочерей². Младшая дочь поила меня лекарствами, [39] приготовленными её родителями, и возносила молитвы к Богородице за моё выздоровление. Никогда не забыть мне её прекрасных голубых глаз, украшенных чёрными ресницами, с беспокойством смотрящих то на меня, то на небо в надежде на божественную поддержку; не забыть мне эти губы, эти руки, всю эту волшебную фигурку, которая как ангел явилась предо мной в Триполице... Одному богу известно, увижу ли я вновь посреди страданий греческого народа членов этой семьи. О, как бы я был счастлив, если бы смог выразить этим людям свою признательность!».

23–26 июня 1825 г.

Эжен вновь в Нафплионе (23 июня): [43] «В двадцатых числах июня, нанеся сокрушительное поражение Колокотрони, египетские войска устремились к греческой столице, над которой нависла смертельная опасность. Были предприняты серьёзные меры по усилению обороны города. Собрав отряд из 150 солдат, готовых умереть за свободу, Д<имитриос> Ипсиланти вывел их за пределы городских

¹ Триполице (Триполис) – город в центре Пелопоннеса.

² Это семья Кацаити. В дальнейшем младшая дочь в семье – Анжела – стала женой Эжена де Вильнёва. Каламата – город в юго-западной части Пелопоннеса, на побережье Мессенского залива.

крепостных стен в сторону деревеньки Мулены (Мили), которая располагалась на берегу Нафплионской бухты, [44] вблизи развалин Лерны¹. Рядом с ней находились многочисленные источники чистой воды, что было на руку грекам. Ипсиланти принял решение защищать это место до последнего солдата и окопался на территории деревенских садов, у берега моря.

25 июня в виду деревни показались арабы. Однако их основные колонны направлялись в сторону Аргоса². Находившиеся в арьергарде два батальона египетского войска под непосредственным командованием Ибрагим-паши, стали на отдых вблизи деревни. Вскоре несколько метких выстрелов, произведённых бойцами Ипсиланти, убедили египтян в том, что это место небезопасно для них. Ибрагим-паша отдал приказ атаковать греков и сбросить их в море штыковой атакой.

В этот момент, находясь в Нафплионе, я наблюдал за разворачивавшимися манёврами врага и принял решение вместе с 60-ю солдатами немедленно присоединиться к Ипсиланти. Со мною также были господин Морри, итальянец, господин Майе, грек, секретарь министерства иностранных дел и молодой француз Гарэль. Отец этого отважного юноши сопровождал нас до самого берега моря [45] и, обняв сына, сказал: «Прощай, друг мой, помни, что ты – сын командира Гарэля». Слова, достойные человека, посевшего за время службы во французской армии!

Мы подоспели к кульминационному моменту сражения. К тому времени арабы захватили первую линию траншей и греки, судя по всему, уже не верили в победу. Наше неожиданное появление вселило в них надежду на благополучный исход схватки. Греческие храбрецы бросились на врага и через полчаса заставили его отступить в панике. Греческий капитан, бросив ружьё на землю и выхватив саблю, продолжил преследовать арабов. Пуля, задев моё правое бедро, поразила бедро адъютанта Ипсиланти... Ибрагим-паша воссоединился с главными силами своей армии...».

Ипсиланти и де Вильнёв были уверены, что совсем скоро шеститысячное войско Ибрагим-паши вернётся и обрушит на них всю свою мощь. Оба героя были готовы отдать свои жизни за свободу Греции. Но враг пошёл не на деревеньку Мулены, а на оставленный без всякой защиты город Аргос. По возвращении в Нафплион де Вильнёв потребовал от правительства лошадей и, собрав эскадрон из пятидесяти офицеров кавалеристов, произвёл успешную атаку на арабскую кавалерию, после чего арабы окончательно отошли от стен греческой столицы.

12–20 июля 1825 г.

Эжен очень плохо себя чувствует, к нему вернулась лихорадка, и он берёт краткосрочный отпуск, чтобы побыть на островах. В эти дни он знакомится с прославленным адмиралом Константином Канарисом:

¹Лерна – древнее поселение на северо-востоке Пелопоннеса, в области Арголида. Археологически там засвидетельствованы памятники эпохи неолита и бронзового века.

²Аргос – город на северо-востоке Пелопоннеса, в области Арголида.

[60] «Я имел честь ужинать с Канарисом, истребителем турецкого флота. Именно этот бесстрашный моряк направил свой брандер на флагманское судно турецкого адмирала, вскричав при этом: «Знай, что тебя поджигает сам Канарис!».

У него импозантное лицо и гордая походка, а в глазах светится храбрость, которая воодушевляет его на борьбу за свободу его любимой родины. Канарису сорок лет. Он в самом расцвете сил. Капитан одного английского фрегата, полный восхищения перед этим необыкновенным человеком, [61] в присутствии своего экипажа вручил Канарису свою шпагу со словами: «Мне запрещено обнажать это оружие – ради блага человечества, поэтому используйте его против свирепых потомков Магомета!».

20–30 июля 1825 г.

Эжен прибывает в Афины, посещает Акрополь, описывает осмотренные древние храмы и другие памятники, демонстрируя явный интерес к ним и хорошие знания истории Греции. Его сопровождает доктор Анарио Петраки – «очень уважаемый в Афинах человек»:

[68] «Вместе с ним мы предавались воспоминаниям о счастливых временах Греции. Перед нашими глазами стояли древнейшие памятники, свидетельствующие о величии и мощи античной Эллады. Нас охватило чрезвычайное волнение. Но это чувство ещё больше усилилось, когда мы обратили свой взор на сегодняшний город. Солнце медленно садилось за горизонт; его лучи пока ещё освещали Акрополь [69] и, казалось, с большим сожалением покидали эти памятные места. Нам захотелось посетить Академию¹. Спустившись от храма Победы², оставив позади себя Стадий³ и проследовав некоторое время вдоль городских стен, мы углубились в сельскую местность и через полчаса оказались на Академическом холме.

На развалинах Академии сегодня стоит небольшая часовня, которую также называли *Академия*. Воздух там необыкновенно чист, а у подножия холма раскинулись плодородные сады.

«Именно здесь, – сказал мне доктор, – именно на этом месте обучались наши самые великие люди, именно здесь наша молодёжь впитывала в себя понятия чести, патриотизма и добродетели. Увы! Что сегодня осталось от научных и гуманитарных знаний наших отцов? Всего несколько памятников, свидетельствующих о нашем невежестве и падении. Ах! Господин де Вильнёв, – воскликнул он, – как же получилось, [70] что такая образованная нация не смогла сохранить своё величие и свою славу?...».

«Всему виной коррупция, – ответил я ему, – как только коррупция распространяется по республике или по империи, происходит трагедия... Однако зачем так горевать по поводу тяжёлых воспоминаний, – заметил я другу, – взгляните на вашу родину, сравните эти Афины, предмет вашей озабоченности, с

¹ Это философская школа Платона, находившаяся близ Афин, в роще, посвящённой мифическому герою Академу.

² Ионический храм Ники Аптерос (Бескрылой) на Афинском акрополе.

³ Панафинейский стадион.

тем, какими они были всего лишь пять лет назад, и возрадуйтесь при виде знамени свободы, реющим над ними... Скоро, поднявшись над этими руинами, гордясь осознанием своего прошлого величия, ваша свобода зажжёт новый факел возрождения над всеми греческими городами».

«Афины! Афины! – вскричал мой воодушевившийся друг, – пусть предсказание этого молодого француза сбудется!.. Пусть твои дети станут свободными!..».

[79] «О Греция! О Афины! Какое глубокое почтение я испытываю к вам!.. Мои дрожание от волнения ноги едва осмеливаются ступить по этой священной земле... Они опасаются осквернить могилу героя или потревожить отдых какого-нибудь божества».

В эти дни де Вильнёв знакомится с ещё одним героем борьбы за свободу Греции – молодым англичанином господином Торлони, ранее служившим офицером в Индии и прибывшим в Грецию вместе с лордом Байроном, умершим там впоследствии¹. О Джордже Байроне де Вильнёв пишет:

[87] «Греки с большим уважением относятся к памяти этого знаменитого поэта, настоящего друга свободы: «О, Байрон, ты умер, но твоё наследие бессмертно... Между тем сегодня мы проливаем горькие слёзы, произнося твоё имя... Подлые и свирепые египтяне, во главе которых стоят ещё более подлые руководители некоторых европейских государств, [88] попирают прах из твоей могилы, уготовленной тебе мировой честью и признательностью! О, Байрон! Разве твой прах не содрогнётся от прикосновения к нему варвара?.. А твоя душа, Байрон! Скажи мне, что она будет переживать, когда подлые рабы потревожат прах господина Марка Боцариса, который до этого спокойно почивал под защитной тенью твоего гения?..²».

30 июля – 5 августа 1825 г.

2 августа де Вильнёв приходит из Афин в деревню Марафон, где посещает античный храм и гробницу Мильтиада³. Ночует в хижине. На рассвете 3 августа он замечает на море несколько кораблей, приближающихся к Марафону. Выясняется, что эти суда турецкие:

[93] «В тот же момент всех жителей деревни предупредили об опасности. Они укрылись в горах. [94] Мне удалось собрать отряд из пятидесяти крестьян, убедив их встать на защиту деревни. Мы окопались на главной деревенской площади и увидели, как, растекаясь по равнине, враг крадёт большое количество лошадей и

¹ Английский поэт-романтик Джордж Гордон Байрон (1788–1824) умер от лихорадки в Греции, куда прибыл в 1823 г. с той же целью, что и Эжен де Вильнёв: бороться за свободу греков.

² Марк (Маркос) Боцарис (1790–1823) – герой освободительной войны Греции. Байрон хотел с ним познакомиться, но не успел. Боцарис погиб в битве греков с турками у города Карпениси.

³ В 490 г. до н. э. у местечка Марафон, что на северо-востоке Аттики, произошла одна из главных битв в ходе Греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э. Греки во главе с афинским военачальником Мильтиадом выиграли сражение. В честь погибших воинов на Марафонской равнине возвели могильный холм. Павсаний в «Описании Эллады» (I, 32, 3–4): «На равнине есть могила афинян... И отдельно есть здесь могила славного героя Мильтиада... его кончина последовала позднее».

баранов. Эти бандиты зверски убили одну несчастную женщину, не успевшую убежать в горы. Двадцать всадников, заметивших нас, ринулись в атаку, но отступили после мощного залпа из наших ружей.

Вскоре нас атаковали уже основные силы врага. Мы яростно сражались. На каждого защитника деревни приходилось шестеро вражеских воинов. И даже без напоминания моим сотоварищам о проходившей здесь много столетий назад знаменитой битвы, определившей судьбы Греции, когда у Марафона была наголову разбита персидская армия, защитники деревни [95] проявили себя сегодня, как достойные сыны своего отечества и свободы.

Марафон, покрывший себя славой в древние времена, вновь прославил своё имя. Вы только представьте: кучка необученных военному делу храбрых бойцов, сгруппировавшихся вокруг офицера филэллина, постоянно выкрикивающего со своим иностранным акцентом слова: «Свобода! Родина! Марафон!». Представьте их наполненными воинственным пылом, не обращающими внимания ни на количество турок, ни на их свирепость, чётко выполняющими приказы своего командира... Представьте их в пыли и крови, гордо покидающими поле битвы, которое они героически защитили... Представьте себе турок, беснующихся из-за того, что они не могут завладеть добычей, [96] беснующихся до такой степени, что, выкрикивая от бессилия страшные проклятия, эти басурманы поджигают жилой дом... Турецкие варвары надеются стать свидетелями нашей гибели. Им невдомёк, что в том костре, который они разожгли, скоро будут гореть их трупы!..

Ждать больше нечего. «В атаку! – слышится со всех сторон, – в атаку!». И мы бросаемся на врага. Какая мясорубка! Все дерутся, выхватывая друг у друга оружие... Четверо греков убиты... Другие почти все ранены. У турок двадцать трупов, остальные в панике бегут к своим кораблям. Мы преследуем врага, не обращая внимания на ранения. Нас окрыляет победа. Вскоре ещё трое турок отправляются на тот свет. И вот уже их корабли отплывают от берега. Они направляются к Негрепонт¹ и, безусловно, сожалеют о том, что вышли в это плавание!..

Долго молчащее до этого эхо Марафона [97] разносит по всей округе крики нашего ликования... Представьте себе женщин и детей, возвращающихся в оставленные ими дома, жену, которая, стоя на коленях, останавливает кровь, текущую из ран её мужа, а сестра залечивает раны своего брата. Представьте себе всё это – и вы, как и я, почувствуете, что произошло нечто особенное, то, что никогда не забывается. Насколько счастлив тот, кто выполнил свой долг!».

18 августа – 1 октября 1825 г.

Вскоре Эжен получает предписание прибыть в Нафплион. 18 августа он приезжает в столицу. А там в самом разгаре междоусобная война между различными греческими группировками.

¹ Негропонт – это остров Эвбея в Эгейском море, близ восточного побережья Средней Греции.

Против де Вильнёва его же соотечественником выдвинуты надуманные обвинения. Он вынужден покинуть Грецию. С горечью рассказывает об этих событиях герой нашего повествования:

[149] «Когда греки восстали против тирании, взяв в руки оружие, это их благородное и отважное решение воспламенило мой мятежный дух. Вскоре я покинул свою семью и присоединился к греческим фалангам борцов за независимость, чтобы иметь счастье разделить с ними их участь и тяготы борьбы. Своей искренней дружбой со мной эти люди оказывали мне большую честь. О, я был так... счастлив.

И вдруг всё рухнуло. В результате этой подлости теперь я вынужден буду скитаться в поисках гостеприимного приюта. О моя родина! О моя семья! О моя мать и мои любимые сёстры! Где вы? Увы, теперь вы навсегда потеряны для меня. Больше никогда мои глаза не узрят места моего детства. [150] Насколько коррумпированы люди, которые стремятся под нежным небом Греции задушить мою любовь к Франции! Каждую минуту я думаю о своей родине, о невинных играх и о ласках моих сестёр».

3 октября – 16 ноября 1825 г.

Отъезд Эжена из Греции. Через острова Эгейского моря, пролив Дарданеллы – в Константинополь, столицу Османской империи, куда он прибывает 16 ноября.

24 января – 23 марта 1826 г.

Из Константинополя де Вильнёв направляется к величественным остаткам легендарной Трои, вспоминая события Троянской войны и повествуя о её героях. В этой поездке его сопровождал господин Сен-Совёр – французский дипломат, путешественник, увлекавшийся древней историей и собравший коллекцию античных памятников¹.

[185] «На борту нашего корабля, шедшего в Трою, находился господин Сен-Совёр, [186] французский консул в Ханье², уже посещавший ранее развалины Трои с томиком Гомера в руках. Он являлся нашим гидом и все мы – капитан габары господин Робийар, офицеры, госпожа де Сен-Совёр, сын французского консула в Алеппо и ваш покорный слуга – по прибытии на место восхитились этой широкой долиной, некогда обильно политой кровью греков и троянцев.

Мы увидели развалины храма в долине Тимбра³. Турки называют её Тимбрек-дере. Где-то посередине этой долины у небольшой деревеньки недалеко от развалин храма расположено кладбище с захоронениями, покрытыми барельефами и

¹ Луи-Феликс Жак-Франсуа Депрео де Сен-Совёр (1792–1876) служил в консульствах Греции, Турции и в других местах. В 1834–1835 гг. был консулом Франции в городе Одессе. В 1836 г. путешествовал по Крыму и Кавказу, этому вояжу де Сен-Совёр посвятил книгу [17].

² Ханье – греческий город на севере острова Крита.

³ Это храм Аполлона Тимбрайского. Долина Тимбра образована рекой Тимбриос.

разбитыми колоннами. Мы выпили воды из источников реки Скамандр. Затем поднялись на вершину Пергама и поклонились могиле Гектора¹.

Река Симоис кольцом опоясывает холм, на котором когда-то стоял дворец Приама.

Подняв головы, мы увидели в небе планирующих над нами орлов и полюбовались [187] горой Ида, где красавец Парис вынес приговор, оказавшийся роковым для его страны².

Думая о древней славной истории этих мест, сравнивая современность с прошлым, в голову приходят очень грустные мысли. Ах, почему всем царям, которые желают насытиться кровью себе подобных, не посетить Трою и не задуматься над результатом всех войн и разрушений? Возможно, тогда они убоятся участи разрушенных и уничтоженных государств! Но разве цари, следуя своим низменным страстям, хоть когда-либо задумываются о чем-нибудь? <...>

[188] Внезапно воображение переносит меня через века во времена Троянской войны. Мой взор устремляется на равнину, где шла битва полубогов. Я вижу Гектора, предающего огню греческие корабли; вижу, как пылкий Ахилл, хладнокровно наблюдая за продвижением противника, ждёт удобного момента, чтобы отомстить тому за Агамемнона; вижу, как Патрокл, надев доспехи своего друга и ринувшись в самую гущу троянцев, атакует Гектора, а через некоторое время поражённый врагом испускает дух. В тот же момент Ахилл предстаёт предо мной во всей своей ярости: его обуяло чувство сильнее гнева, сильнее ненависти к своим соотечественникам! Ведь от руки троянца пал его лучший друг! Ахилл жаждет искупаться в крови Гектора. Я вижу, как он пробивает себе дорогу к убийце несчастного Патрокла, лишает того жизни, привязывает тело Гектора к колеснице и волочит за собой вдоль фригийских крепостных стен.

Затем я слеую за Ахиллом в его палатку; вижу лицо этого воина, [189] залитое слезами, смотрящее на труп Патрокла. Вижу несчастного царя Трои, на коленях умоляющего молодого героя выдать ему останки Гектора. Мог ли такой человек, как Ахилл, оставаться равнодушным к горю отца? И вот Приам забирает кровавые останки сына...

16 февраля 1826 г.

В Смирне³ Эжен случайно встречается с уже знакомой ему семьёй Кацаити: [189] «Госпожа К***, добрая мамаша, которая так долго ухаживала за мной, [190]

¹ Пергам – греческий город на западе Малой Азии, он располагался на высоком холме. Возможно, на него и поднялся де Вильнёв, чтобы «поклониться могиле Гектора». Могилу Гектора, сына троянского царя Приама, показывали в разных местах. Древние писатели называли и рошу Гектора в Троаде, и город Илион (то есть Трою; причём Гомер называл крепость Трои Пергамом), говорили даже, что останки героя были перенесены из Илиона в Фивы (то есть на Балканы, в Среднюю Грецию).

² Спор богинь – Геры, Афины и Афродиты – за звание «прекраснейшая», суд троянского царевича Париса на горе Ида, избрание им Афродиты «прекраснейшей» из богинь и похищение жены спартанского царя Менелая Елены Прекрасной, приведшее к Троянской войне.

³ См. прим. 7.

встретив меня на набережной Смирны, бросилась в мои объятия. Я был на седьмом небе! Мы пошли к ней домой, где я вновь увидел её дочерей. Моё внезапное появление спровоцировало нервный срыв у юной Анжелы¹.

Эта благородная семья полностью разорена. Госпожа К*** с дочерьми чудесным образом спаслась на корабле, шедшим в Стамбул, где их взял под своё покровительство посол Англии. Позже семья перебралась в Смирну, где моей судьбе было уготовано застать их в полной нищете именно в тот момент, когда я не имел возможности по достоинству отплатить им за всё, что они для меня сделали».

Де Вильнёв рассказал нескольким офицерам о бедственном положении семьи Кацаити, те собрали деньги, и Эжен передал их матери Анжелы.

23 марта – 1 мая 1826 г.

И вот настал тот счастливый день (22 марта 1826 г.), когда Эжен де Вильнёв взял в жёны Анжелу Кацаити: [195] «Несмотря на все беды, наконец-то я счастлив. Анжела – моя жена. Вчера мы пригласили из деревни Бурнаба греческого священника, который тайно обвенчал нас в доме одного француза в присутствии матери невесты и четырёх свидетелей».

22 апреля 1826 г.

Возвращение в Константинополь.

26 мая 1826 г.

Отъезд из Константинополя в Россию – сначала в Одессу, затем в Москву.

[220] «Есть люди, рождённые для несчастья... Увы! Моё сердце устало от всего... даже от надежды!.. Чем я тебя обидел, фортуна, что ты так сурово обходишься со мной?.. Я в отчаянии... смерть приближается ко мне...»

Нет, постой.. она уже удаляется от меня!.. Сын героя сжалился над моими несчастьями, нанеся целебный бальзам на раны моей души... Гюстав Монтебелло², ты вернул мне мою честь и достоинство. Моя молодая супруга всецело обязана тебе своим высшим счастьем... Французский солдат³ никогда тебя не забудет!

Я направляюсь в Москву! При этом слёзы наворачиваются [221] на глаза... О французы! Вы, победители при Маренго, при Аустерлице, при Йене, умирали от голода и холода на берегах Москвы-реки!..⁴ Прах моих соотечественников, скоро я окажусь среди ваших могил... Вы поведаете мне о

¹ Той самой младшей дочери, которая ухаживала за ним, когда он болел.

² Это может быть Гюстав Оливье Ланн де Монтебелло (1804–1875) – военный и политический деятель Франции, сын наполеоновского маршала Жана Ланна, герцога Монтебелло (1769–1809). Гюстав Монтебелло помог Вильнёву в той сложной ситуации, в которой он оказался и о которой лишь намекает в дневнике, но суть дела не излагает. Видимо, Гюстав Монтебелло помог супругам Вильнёв переправиться из Турции в Россию.

³ Так называет себя Эжен де Вильнёв.

⁴ Де Вильнёв перечисляет сражения наполеоновской армии и говорит о фактическом поражении французов под Москвой.

неизвестных подвигах, совершённых вами...¹ Вы расскажете мне, как в самую суровую стужу ваши сердца воспламенялись при возгласе: «К оружию!», как, засыпанные снегом, вы умирали в 800 льё от своей родины с именем нашей милой Франции на устах. Вы чувствовали, что вся Франция провожает вас в последний путь... Вы мне расскажете... Нет, ничего не говорите!.. Мне известны все ваши подвиги!..».

Дополнительные заметки

[223] «Ввиду моего недавнего посещения России, мне кажется, что читатель захочет узнать, как в русском обществе относятся к греческой трагедии.

Уже давно взоры всей Европы устремлены на императора Николая, августейшего брата Александра², в ожидании проявления его высокого благородства. О, как я в это верю и убеждён, что мои предчувствия не обманут меня!.. Совсем скоро войны Севера заставят свирепых магометан ответить за преступления, которые нельзя оставить без отмщения; вскоре мученик Грегуар с высоты своей небесной обители узрит торжество христианства и свободы, а все друзья человечества, [224] все истинные филантропы восславят героическую армию, которая спасёт Грецию... Да, филэллины, возрадуйтесь, дети Спарты и Афин не будут истреблены; сердце Николая открыто для чести и справедливости. Спасение греков – насущная необходимость.

В Москву я прибыл в первых числах сентября 1826 года. <...> Меня рекомендовали княгине Зинаиде Волконской³. Она приняла меня с особой благосклонностью, которая навсегда запечатлелась в моей памяти. В общей своей массе русское дворянство образовано, гостеприимно и довольно либерально. Поэтесса и писательница Зинаида Волконская – одна из тех уникальных представительниц человеческого рода, которых скупая на чудеса природа производит на земле. Прекрасная, чувствительная и великодушная, [225] главным наслаждением для неё является помощь нуждающимся и покровительство людям, заслуживающим уважения... Её дворец – это храм искусств, в котором она сама исполняет роль Минервы. Я часто присутствовал на блестящих приёмах в доме у княгини, во время которых всегда звучали пожелания свободы для Греции.

Вскоре всем стало известно, что моя жена – гречанка, и на нас обрушился поток приглашений. Павел Голицын, Кайсаров и Посников, я никогда не забуду тех

¹ Подвиги, однако, совершали русские солдаты, защищая свою родину. А во имя чего совершали «подвиги» французы, пришедшие на чужую землю?

² При Александре I и Николае I остро стоял греческий вопрос – и в российском обществе, и на международной арене.

³ Зинаида Александровна Волконская (урожд. Белосельская; 1789–1862) – поэтесса, писательница, певица и композитор, член Московского общества истории и древностей российских. Жена князя Никиты Григорьевича Волконского (1781–1844), она вместе с мужем сопровождала Александра I в заграничных походах 1813–1814 гг. В Москве, в доме на улице Тверской организовала ставший популярнейшим литературно-музыкальный салон. Александр Пушкин восхищался его хозяйкой: «Среди рассеянной Москвы... / Ты любишь игры Аполлона. / Царица муз и красоты...» (Княгине З. А. Волконской. 1827 г.).

дружеских чувств, которые вы испытывали по отношению ко мне, не забуду, какими яркими сторонниками и искренними поклонниками героев сегодняшней Греции вы являлись!..

Княгиня Зинаида Волконская рассказала самой императрице о моей супруге и сделала это с такой теплотой, что Её Императорское Величество пожелала лично встретиться с молодой гречанкой, вызвавшей к себе такой живой интерес со стороны самой умной женщины её огромной державы.

[226] И вот настал день, когда перед Анжелой Кацаити, выросшей под крышей хижины в Аркадии, как перед простой пастушкой, раскрылись горделивые двери Кремля, и она имела честь беседовать с императрицей всея Руси, осыпавшей гречанку своими милостями¹. Сам император умилился рассказом Анжелы Кацаити о бедствиях соотечественников и проявил свою щедрость.

Я бы мог назвать около пятидесяти самых уважаемых московских фамилий, преданных делу освобождения Греции от турецкого ига».

«Прожил я в Москве шесть месяцев и остался бы там ещё на некоторое время, если бы не моё непреодолимое желание возвратиться в Грецию».

[229] «В феврале² я выехал из Москвы. Могу вас заверить, что, несмотря на Аккерманскую конвенцию, российское дворянство не сомневалось в скором начале войны с Турцией³. Разговоры об этом шли повсюду. Молодые офицеры уносились в мечтах под голубое небо Греции, а их верные подруги представляли себе, как они увенчают своих храбрых кавалеров лавровыми венками по их победном возвращении на родину.

По дороге между Можайском и Смоленском в маленькой деревушке Гриднево со мной произошёл случай, о котором непременно хотелось бы поведать. Возможно, это будет не совсем по теме моего повествования, но уверен, что читатель простит мне данное отклонение.

Итак, дело происходило в феврале. Стояли очень сильные морозы, и мы были вынуждены найти какое-нибудь жилище, чтобы отогреть наши замерзшие части тела. Нас приютил один казацкий офицер.

¹ Аркадия – область в центральной части Пелопоннеса. С античных времён считалась довольно отсталой областью земледельцев и скотоводов. В европейской литературе нового времени родился миф об аркадской идиллии: Аркадия представлялась счастливой страной просто, безмятежно живущих земледельцев и пастухов. Видимо, Эжен, говоря о своей жене, использовал вошедший в художественную литературу образ Аркадии.

Вспомним, что и Адель Омер де Гелль писала о приёме Анжелы российской императрицей, а «вокруг стали поговаривать о том, что скоро гречанка станет фрейлиной Её Величества».

² В феврале 1827 г.

³ Аккерманская конвенция – соглашение между Россией и Турцией, заключённое 25 сентября 1826 г. – свидетельствовала о дипломатическом успехе России и не устраивала Турцию. Соглашение было аннулировано турками в декабре 1827 г., что стало поводом к русско-турецкой войне 1827–1828 гг., закончившейся победой русских и подписанием Адрианопольского мирного договора. Османская империя подтвердила автономию Греции.

[230] Каким же было моё удивление, когда, зайдя в небольшую комнатку, посреди многочисленных святых икон вблизи зажжённой лампы я увидел наполеоновского флагового орла и крест Почётного легиона!

«Друг мой, – обратился я к хозяину, – где вы нашли эти дорогие моему сердцу французские предметы?».

«Вы видите перед собой, – ответил он, – старого солдата. Я всегда ценил храбрость и расскажу вам, как эти предметы оказались у меня. Этот орёл и этот крест принадлежали офицеру наполеоновской гвардии. Вам известно, что после сожжения Москвы французская армия вынуждена была отступить и испытала многочисленные бедствия. Я тогда командовал подразделением казаков. Под Вязьмой мы натолкнулись на отряд французов и атаковали их. Исход сражения был предreshён: нас было вдесятеро больше французов... [231] К концу схватки в живых остался лишь один французский офицер. Он отказывался сложить оружие и продолжал рубить моих казаков направо и налево... Вскоре, получив многочисленные раны и уже не в силах продолжать бой, он рухнул на землю... Я приказал казакам не трогать его и подбежал к этому герою. Мы были поражены стойкостью и мужеством французского офицера. Несмотря на все наши усилия помочь офицеру, он скончался у меня на руках... Тогда я взял этот крест, висевший у него на кителе, и этого грозного орла, лежавшего подле его головы... С тех пор я с глубоким почтением храню эти предметы в память о подвиге храброго французского офицера... Я бы даже пожертвовал собой, лишь бы он остался в живых...».

«Вы – воистину человек, достойный всяческого почтения, – заявил я казаку, – и у вас благороднейшее сердце. Не могли бы вы доверить мне эти святые реликвии, чтобы я мог выставить их напоказ во Франции? Я сейчас же возьму их...»

«Не продолжайте, – прервал он меня, – вы оскорбляете старого казака, чья душа полна чести и верности... [232] Золото не прельщает меня. Даже если вы мне предложите все месторождения золота Сибири, я вам не уступлю эти предметы... Эх, Петрович, бедный чертяка, только потому что ты казак, тебе предлагают кучу денег и считают, что тебя этим можно соблазнить... Нет, мой господин, я никогда за деньги не расстанусь с этими реликвиями. Да, впрочем, и кому я бы их передал? Ведь вас я не знаю. Будете ли вы с должным уважением относиться к этим предметам? Можно предположить, что да. Но ведь вы француз, вы вернётесь в свою страну, и, возможно, вид этого орла испугает некоторых неосторожных членов вашего правительства. Что же тогда произойдет?.. Вы подвергнетесь гонениям, и эта птица, бывшая в своё время грозой Европы, попадёт в руки, которые её осквернят... Нет, мой господин, этот орёл, так подло преданный теми, кто обязан был его защищать, не покинет хижины старого казака... [233] А когда этот казак уйдёт в могилу, его дети с их благородными сердцами позаботятся об этой птице...».

Тщетно пытался я переубедить старого московского солдата. Он выставил на стол бутылку водки, и мы выпили за упокой души французского офицера. Благородный казак заметил, что у меня на глазах выступили слёзы восхищения и сожаления, и заявил: «Ладно, молодой человек, вижу, что вы заслуживаете моего

доверия. Так и быть, я отдам вам этот крест, но не вздумайте предлагать мне за него деньги...».

Таким образом я оказался обладателем креста чести, сбережённого кристально честной казацкой душой. Я поцеловал крест, обнял старого казака, вышел из хижины, сел в сани и по замёрзшей дороге направился в сторону Смоленска.

Вечером после моего прибытия в этот город там состоялся бал дворянской знати, куда был приглашён и ваш покорный слуга. Мне представилась возможность пообщаться со многими высшими офицерами, которые одобряли моё участие в справедливой борьбе греков за свободу. Они завидовали мне и надеялись вскоре оказаться в Греции. Многие русские дамы делали мне самые льстивые комплименты.

Наконец, достигнув границы России с Польшей, я не смог не оглянуться назад и не подумать о том, какую славу вскоре может снискать император Николай, оказав грекам действенную помощь. Сегодня, как и прежде, я более, чем никогда, убеждён в том, что Россия не оставит в беде многострадальную Грецию. Уже долгое время мир игнорирует мощь России. Николай это хорошо чувствует, он не должен прислушиваться к трусливым советам. Вряд ли Греция будет спасена, благодаря двусмысленному Аккерманскому договору, который сегодня критикуют со всех сторон. Греция должна стать свободной – таково желание народов мира, к которому должны присоединиться решимость и воля всех европейских монархов».

Весной 1827 г. де Вильнёв посещает Пруссию, Баварию, Нидерланды и Бельгию. Встречается с прусским принцем Карлом. Пишет о нём: [235] «Принц Карл видел мою жену на приёме у русской императрицы. Это придало мне решимости сразу же по приезду в Берлин просить [236] аудиенции у Его Королевского Высочества¹. Этого человека² ниспослали мне сами небеса... Принц принял меня с благосклонностью, достойной героев Плутарха, и пообещал мне всяческую поддержку».

Эжен де Вильнёв выражает желание вернуться в Грецию.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 195. Оп. 1. Д. 1528. 273 л. Gosudarstvennyi arkhiv respubliky Krym (GARK). F. 195. Op. 1. D. 1528. 273 l.
2. ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1629. 92 л. GARK. F. 195. Op. 1. D. 1629. 92 l.
3. ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1666. 87 л. GARK. F. 195. Op. 1. D. 1666. 87 l.
4. ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1727. 94 л. GARK. F. 195. Op. 1. D. 1727. 94 l.
5. Молодые годы директора Феодосийского музея древностей Эжена де Вильнёва. – Режим доступа: <https://fudao.livejournal.com/364330.html>
Molodye gody direktora Feodosiiskogo muzeya drevnostei Ehzhena de Vil'neva. – Rezhim dostupa: <https://fudao.livejournal.com/364330.html>

¹ У Фридриха Вильгельма II – короля Пруссии (1797–1840 гг.).

² Принца Карла Прусского.

6. Оммер де Гелль Адель. Таганрог 1839 года глазами иностранки // Таганрогская правда. Таганрог, 31.10.2018. Вып. 127. – Режим доступа: Адель Оммер де Гелль - ГородьТаганрог
Ommer de Gell' Adel'. Taganrog 1839 goda glazami inostranki // Taganrogskaaya pravda. Taganrog, 31.10.2018. Vyp. 127. – Rezhim dostupa: Adel' Ommer de Gell' – Gorod Taganrog
7. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2017. 579 с.
Orekhov V. V. V labirinte krymskogo mifa. Simferopol'; Nizhnii Novgorod: ООО «Rastr», 2017. 579 s.
8. Орехов В. В. Путешественники по Крыму супруги Омер де Гелль: опыт биографической реконструкции // УЗ КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 79–104.
Orekhov V. V. Puteshestvenniki po Krymu suprugy Omer de Gell': opyt biograficheskoi rekonstruktsii // UZ KFU im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. Simferopol', 2017. T. 3 (69). № 1. S. 79–104.
9. Петрова Э. Б., Карпенко А. В. Письма Е. Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 37–47.
Petrova E. B., Karpenko A. V. Pis'ma E. F. de Vil'neva v OOID: 150 let s nachala arkheologicheskikh raskopok v Feodosii // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2004. № 3–4. S. 37–47.
10. Петрова Э. Б. Вильнёв (Вильнёв) де Евгений Францевич // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: биобиблиографический словарь. Киев: Болеро, 2011. С. 34–38, 145–160.
Petrova E. B. Vil'nev (Vill'nev) de Evgenii Frantsevich // Sotrudniki Feodosiiskogo muzeya drevnostei – deyateli nauki i kul'tury: biobibliograficheskii slovar'. Kiev: Bolero, 2011. S. 34–38, 145–160.
11. Петрова Э. Б. Евгений де Вильнёв, Викентий Руссен и их «Исторический и художественный альбом Тавриды» // История и археология Крыма: сб. ст., посв. 100-летию со дня рожд. О. И. Домбровского / Крымский филиал Ин-тп археологии РАН. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. Вып. I. С. 480–491.
Petrova E. B. Evgenii de Vil'nev, Vikentii Russen i ih «Istoricheskii i khudozhestvennyi al'bom Tavridy» // Istoriya i arkheologiya Kryma: sb. st., posv. 100-letiyu so dnya rozhd. O. I. Dombrovskogo / In-t arkheologii RAN, Krymskii filial. Simferopol': Biznes-Infom, 2014. Vyp. I. S. 480–491.
12. Петрова Э. Б. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / пер. с франц. А. В. Карпенко. Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, 2015. 240 с.
Petrova E. B. «Istoricheskii i khudozhestvennyi al'bom Tavridy» Evgeniya de Vil'neva i Vikentiya Russena / per. s frants. A. V. Karpenko. Feodosiya: ID «Koktebel'»; Simferopol': N. Orianda, 2015. 240 s.
13. Петрова Э. Б. Евгений Францевич де Вильнёв // Французы в Крыму / Ред.-сост. Ж. С. Амфитеатрова. Симферополь: Медиасентр им. И. Гаспринского, 2019. С. 122–130.
Petrova E. B. Evgenii Frantsevich de Vil'nev // Frantsuzy v Krymu / red.-sost. Z. S. Amfiteatrova. Simferopol': Mediatsentr im. I. Gasprinskogo, 2019. S. 122–130.
14. Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей (1771–1871). Киев: Болеро, 2011. 240 с.
Tunkina I. V. Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeya drevnostei (1771–1871). Kiev: Bolero, 2011. 240 s.
15. Hommaire de Hell A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris: L. Hachette, 1860. 411 p.
16. Munich (Bavière), 22 octobre // Journal des débats politiques et littéraires. Paris, 31 octobre 1827. P.1.
17. [Saint-Sauveur de M.] Excursion en Crimée et sur les côtes du Caucase, au mois de juillet 1836 / par le de St-Sauveur, consul de France. Paris: typ. de Firmin Didot Frères, 1837. 87 p.
18. Villeneuve Eugène de. Journal fait en Grèce pendant les années 1825 et 1826. Bruxelles: H. Tarlier, Libraire-Éditeur, 1827. 284 p.
19. [Villeneuve Eugène de]. Album historique et pittoresque de la Tauride / par E. de Villeneuve, membre effectif de la société Odéssienne d'histoire et d'antiquités, de l'institut historique de France

conservateur du musée de Théodosie, membre du conseil d'administration de la quarantaine de cette même ville, etc. etc. Paris: Kaepelin, 1853.

Petrova E. B., Bednarchik G. I. Eugene de Villeneuve: new facts of biography and his «Greek Diary: 1825–1826».

We knew almost nothing about the pre-Russian period of the life of Evgeny Frantsevich (Eugene) de Villeneuve (1803–1870s) – French teacher at the Taganrog gymnasium, and then an indispensable member of the Feodosiya Central Quarantine, head of the Feodosiya Museum of Antiquities, one of the first archaeologists, author of the book «Historical and Artistic Album of Taurida». We discovered a fragment dedicated to de Villeneuve in the work of Adele Ommer de Gell and the book of Eugene de Villeneuve «The Greek Diary: 1825–1826», published in Brussels in 1827, and also a note in the «Journal des débats politiques et littéraires» for 1827, which had not previously appeared in Russian literature. The translation of these texts from French into Russian (which we present here) allowed not only to learn the details of de Villeneuve's life vicissitudes before his appearance in Russia (as it turned out, he was one of the heroes of the liberation struggle of the Greeks against Turkish dependence), but, most importantly, to obtain additional evidence about the events in Europe in 1820s, presented by an active participant in these events.

Key words: French in Russia (XIX century), Evgeny Frantsevich (Eugène) de Villeneuve, Greek War of Independence of the 1820s, Taganrog, Feodosia.